

Глобализм успел продемонстрировать как свою мощь, так и беспомощность в создании человеческих качеств среды обитания. Последнее было делом архитектуры, но она на долгое время оказалась жертвой зауженной и редуцированной модели глобализма – модернистской модели. Выход из кризиса, занявший последние полвека, еще нельзя считать завершенным. В настоящее время можно увидеть проблемы и перспективы новых синтезов всеобщего и местного, без чего невозможно представить полноценное будущее планеты.

Ключевые слова: глобальное; локальное; глокальное; тотальное; идентичность; место; Genius loci. /

Globalism has demonstrated both its power and helplessness in creating human qualities of the environment. The latter was a matter of architecture, but it has been a victim of a narrowed and reduced model of globalism, a modernist model. Surmounting the crisis that has taken the past half century cannot be considered complete yet. At present, one can see the problems and prospects of new syntheses of the universal and the local, without which it is impossible to imagine the comprehensive future of the planet. Keywords: global; local; glocal; total; identity; place; Genius loci.

Парадоксы и перспективы глокального / Paradoxes and prospects of the glocal

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Глобальное versus локальное?

Термин «глокальное», несомненно, красив, но избыточен: в нем отпечатано расхожее представление об оппозиции, которая якобы «снимается» в термине. Но «снимать» там нечего: глобальное и локальное нераздельны (хотя и неслиянны). Обычно говорят о совмещении противоположностей, даже о «диалектике» в термине «глокальное». Мы же утверждаем: традиция мыслить глобальное и локальное как противоположности – не более чем идеологическая игра. Она позволяет обострить известные аспекты, и в этом качестве может быть использована и далее. Но она же и обедняет, опустошает смысл и того, и другого.

Локальное не существует вне глобальных контекстов; без них оно тотально в своем частном замкнутом опыте, но собственно локальное всякий раз являет себя неповторимым рисунком на глобальных полотнах, чертой или пятном на больших картах. Глобальное не существует без локального: без разнообразия и различий оно выродилось бы в одно нудное и тотальное Единое, в гигантский монотонный Локус размером с планету (не к этому ли стремился весь модернизм – от де Сада до Афинской хартии?). Глобальное живо лишь тогда, когда пронизано динамикой движений и избыточностью связей. Но когда все кругом одинаково, становится незачем перемещаться с места на место и нечего перемещать: везде все есть. Собственно, нет и мест, ведь места характеризуются набором идентичностей, а вовсе не размещением филиалов вездесущего.

В. Л. Глазых в давние уже годы описал замечательный пример значимости локалитетов для существования большего, начавшего осознавать себя национальным целым: в Древней Греции в каждом полисе были выдающиеся традиции художественной керамики, везде работали известные керамисты, но у этого полиса иные особенности керамики (иная глина, способы работы, орнамента, особенности обжига, оттенки глазури et cetera), чем у того и у третьего; и становится возможной конкуренция, всем интересен обмен с сохранением особенностей школ [1, с. 21]. Обмен, основанный на тончайших различиях, требует высокой возгонки вкуса и чувственности (и, кажется, эти качества гораздо важнее, нежели

макроэкономические показатели нынешних «регионов»). Глокальное, таким образом, существовало уже в мире ремесла и традиции, и весь вопрос в том, как такого достичь сегодня. Сегодня, видимо, искомое различие способно дать лишь многообразие идей, технологий; культивируемое в качестве ценности несовпадение картин мира.

Американоцентричная модель глобализма потому и рухнула, что была по своему духу модернистской, стремилась к тотальности, а не разнообразию, к стандарту, а не уникальности. По сути, это был даже не глобализм, а последний проект модернистской экспансии – мировой инженерной и экономической похоти. И крах его не способен бросить тень на идею глобализма, поскольку глобализация за счет учреждения всеобщей тождественности – решение хоть и «простое», но нежизнеспособное. Угроза мира тотальной тождественности, в котором, по Жану Бодрийяру, «<...> нас лишают всякой инаковости, всякой необычности и обрекают на воспроизводство Того же самого в бесконечном процессе отождествления» [2, с. 115], сегодня в должной мере осознана и точно обозначена. Угроза, кажется, миновала? По крайней мере, сегодня стала очевидной невозможность построить глобальное путем нивелирования различий.

Глобализация мира неустраима. Представьте планету (если она выживет) лет так тысяч через пять (научная фантастика хорошего уровня дает прекрасные примеры таких планетарных сообществ). Можно ли предполагать там наличие феодальных автархий? Центрированная на США глобализация – это черновик, очень плоский и жесткий, он ушел или уйдет. Но планетарное целое будет продолжать устанавливаться. И залогом его будет разнообразие мест. Целое, чтобы выжить, не может быть монотонным, оно должно быть основано на интенсивных обменах, а для этого иметь различия – интерес в перемещении.

Поступь глобального

Первым архитектурным явлением с выраженными глобальными интенциями можно признать феномен классического ордера. Парадоксы здесь, разумеется, на каждом шагу: ордера (множественность их, как известно, принципиальна) имели именно локальную, если

^ Рис. 1. Склад запасных и некондиционных миров. Амстердам. Фото Роман Екимов

^ Рис. 2. Genius loci – Дух (Гений) Места, в античном мире – покровитель и защитник конкретной локальности: горы, ручья, поселения

^ Рис. 3. Мир традиции легко совмещал масштабы: от великого до смешного, от сакрального до бытового, от вечного до повседневного. Ганс Мемлинг. Страсти Христовы. 1470

не сказать провинциальную привязку и генетику; они призваны были выразить идентичность мест и местечек Греции. И нельзя не признать: им это поначалу прекрасно удавалось. Ордер, однако, перешагнул свои родовые гнездовья; ордера и их вариации стали едва ли не повсеместными, но при том сохраняли способность различения мест своего осуществления, что составило своеобразный и самый устойчивый архитектурный язык. Наличие языка и есть, видимо, центральное достояние глокального, если уж использовать этот термин.

«Мысли глобально, действуй локально» – лозунг, звучащий сегодня уже едва ли не банально, казалось бы, неплохо выражает смысл глокального: его приоритеты расположены в сфере разумного или оптимального баланса мысли и действия. Но это справедливо для бизнеса, экономики, военного дела и т. п. рациональных стратегий. Увы, уже феномен ордера не оставляет от столь благостных моделей предустановленной гармонии камня на камне. Ордер, кажется, только и стремится опровергнуть всякие рационалистические формулы [3]. Если использовать термины семиотики, то нельзя не заметить парадокса: парадигматические связи любой ордерной композиции (т. е. организуемые ею отсылки ко всем иным ордерным композициям вообще) оказываются в горизонте вовсе не мышления, но бессознательного, принимаемого «по умолчанию» как эффект именно осуществленного действия или даже жеста, в то время как связи синтагматические (т. е. здесь и теперь, в этом вот ансамбле осуществляемые) составляют внятный предмет архитектурской заботы и центрируют на себе все (или почти все) мышление автора. Интерес к цитатам и аллюзиям, разумеется, всегда имеет место в архитектуре, но такие мотивы являются, скорее, «приправой» к синтагматическому построению, чем решающим фактором парадигматики (исключения, разумеется, имеют право и место быть). Де-факто получается, что ордерный архитектурный глокализм разворачивается по формуле: «Мысли локальностями, получишь глобальное действие (или действие с глобальным значением)». Несомненно, такое возможно лишь в ареале устойчивого и конвенционального языка: мыслить следует правильно, т. е. по пра-

вилам, нормативно, что вовсе не исключает как творчество, так и свободу.

Проблемы начинаются тогда, когда язык утерян, забыт или сознательно отвергнут, а правила размыты и подвержены публичному осмеянию. В истории архитектуры такие ситуации случались не раз. Наиболее ярким событием в этой истории безъязыкости является модернизм, а точнее – т. н. «Международный стиль». Разумеется, и он опирался на некоторое подобие языка, восходящего к Корбюзье или Мису, но это язык для «посвященных», конвенция сугубо внутривидовая, клановая: по Фердинанду де Соссюру, это не столько язык (*langue*), сколько речь (*parole*) – совокупность принятых по умолчанию норм; это – конструкт моды. Модернистская мода никогда не была местной: ее увлекали интенции универсальности и презрение к конкретным весям, ей неоткуда было черпать вкус к различиям, мир мыслился ею тождественным и гомогенным.

Однако и в столь экстремальном опыте, как модернизм «Международного стиля» сохраняет действие правило глокальности: все лучшее, что было тогда создано, оказалось... уместно, ибо смогло создать себе места, хотя бы и силой. И это неудивительно: глобальное (т. е. реально значимое для мира) здесь, как и всегда, не обходится без той или иной формы локального, без «идентичного в типовом», на что в наши дни обратили внимание молодые коллеги [4].

Черновики стилистической глобализации

Едва ли не первым глобальные притязания заявил модерн (ар-нуво), осознающий себя как законное воплощение вагнеровского *Gesamtkunstwerk*. Он, в самом деле, очень быстро распространился по миру и действительно обладал пластическими компетенциями решения разнообразных форм буквально всякого масштаба и типа. Ар-нуво умел плести своими флоральными линиями и интриги места, так или иначе реагируя на силы контекста и энергии почв. Но все же притязания ар-нуво имеют явный привкус наивности и инфантильности. Идея мира как изысканного художественного произведения или слишком запоздала, или время ее еще не наступило.

> Рис. 4. Неуместность не смущала модернистов: они брали места силой. Ле Корбюзье. Дворец Ассамблеи. Индия, Чандигарх. 1951–1962

«Машина», понятая по-солдафонски прямолинейно и грубо, оставила его в стороне от магистрали прогресса.

Ар-деко был более глобален де-факто, нежели модернизм – уже одной строительной массой реализованных зданий и сооружений, количеством интерьеров и мебели, графики и посуды... По фактической глобальности распространения с ар-деко может соперничать лишь эклектика (зачастую с трудом с ним различимая), но никак не модернизм или ар-нуво (прим. 1). Однако же... претензии на глобальность в ар-деко мы не встретим. Он глобален не идейно, но в какой-то естественной, базовой интенции, в отношении к миру как вместилищу своих грез. Но локальности ему давались столь же легко, как и пресловутая стилистическая опознаваемость при чрезвычайно широкой морфологии. Это феномен и загадка. Изучать сегодня стоило бы именно опыт ар-деко, а не скудные и аскетические экзерсисы модернизма, методологически довольно примитивные, но которым вот уже сто лет, и до наших дней им уделяется непомерно много внимания. Тем более, что экзерсисы эти, при всем их радикализме и пресловутой «чистоте» («белизне») есть не более чем разновидность все того же тотального опыта free-декодирования, в который впала архитектура и предметное окружение после отказа от классического языка.

Если и говорить о мифологеме этого «белого» движения, т. е. о модернизме XX века, то его качества в обсуждаемых рамках выглядят все же абсолютным провалом: в нем ожидаемо меньше удачных резонансов с «Genius loci»; принятое им глобальное выносит его за пределы обитаемого мира, а его редкие убедительные локализации (как Белый город в Тель-Авиве) есть, скорее, исключения, нежели правило: ведь никаких методических, теоретических и т. п. фиксаций они не получали, ибо не укладывались в «законы» пропедевтики, были достигнуты не благодаря, но вопреки им, в т. ч. благодаря все той же мощной и органичной стихии ар-деко. Так, вся книга Зигфрида Гидиона (генерального секретаря CIAM, одного из хранителей модернистских преданий, наряду с Мишелем Рагоном) «Пространство, время, архитектура» [5] (прим. 2) наполнена сугубо экстерриториальным визионерством, тягой к вымышленному «идеальному»,

достойной Платона; интерес же к феномену места там исчезающе мал.

Локализация глобального

Необходимо также напомнить важнейший в нашей теме методологический тезис: мышление и деятельность по своей природе не локальны. «Посадка» их на место, локализация – специфическая проблема и задача организации мыследеятельности [6]. Это действительно проблема, поскольку устойчивых и надежных методов здесь до сих пор нет. «Привязка» мышления к территории до сих пор похожа на... «утапывание» земли вокруг идола или на алхимическое толчение в ступке двух несоединимых ингредиентов. До сих пор это – дело искусства и кропотливого труда, гуманитарных технологий и персональных интеллектуальных техник. Проблема эта сказывается и в организации архитектурного образования [7], и в организации проектирования, и т. н. «протранственного», или «территориального» развития [8].

Мышлению и деятельности не очень-то нужны локальности. Это локальностям требуются мышление и деятельность, чтобы оказаться втянутыми в процесс развития. Но беда в том, что двигаться «снизу» – от локальностей, мест и их собранной по сусекам «идентичности», т. е. за счет имитации морфологических особенностей народной архитектуры, промыслов, орнамента, как это было возможно еще в начале XX в., уже не получается (напомним известный тезис П. Эйзенмана: весь этот слой сувенирной псевдоидентичности давно уже выбран масс-медиа). На поверку в таких контекстах чаще всего речь идет вовсе не об идентичности, но об айденитике: слова эти не синонимы, не перевод одного и того же. Айденитика – сугубо дизайнерский способ войти в рынки, понравиться и продаться подороже. Не имея средств работы с подлинной и глубинной идентичностью, дизайнерская айденитика изобретает их заместителей: лейблы, долженствующие сигнифицировать города и территории; шрифты, выбранные из арсенала известных, разработанных вдали от места, но приписанные месту (у Москвы, как утверждается, их целых два); цветовые палитры, принятые в тиши лабораторий в качестве условно подходящих, et cetera [9].

^ Рис. 5. «Высокий» модернизм предпочитал вмещать формы и пространства, гении мест были ему неинтересны. Луис Кан. Парламент. Бангладеш, Дакка. 1963

^ Рис. 6. Если модернизм и создавал места, то в качестве посадочных (или взлетных?) площадок Грядущего, всегда остающегося трансцендентным всякому «здесь и теперь». Луис Кан. Институт Солка. США, Калифорния, Сан-Диего. 1959–1966

В частности, заметим: всякий достаточно фундированный разговор о принципах и самой возможности формирования сегодня региональных архитектурных школ в России – это обсуждение проблематики региональной, местной идентичности, осмысляемой как предмет трансляции в образовании, то есть как содержание архитектурного образования, противопоставленного обезличиванию и энтропии обжитого пространства [7]. Очевидно, что такие темы невозможно обсуждать в натуралистическом ключе, как описание хронологии школ, как перечень трудившихся «на территории» авторов, как совокупность климатических, ландшафтных и пр. особенностей территорий – увы, такие перечни уже не работают.

Возвращение Места

Постмодерн не всегда локален. В этом смысле критика его как латентного наследника модернизма справедлива, однако интенция к Месту все же обозначает себя в постмодернизме достаточно отчетливо. Интерес к месту, игру с местами и их призраками у него не отнять уже в силу программного отказа от универсальности языка. Глобален он ровно настолько, насколько глобална (или «тотальна», согласно Ч. Муру) всякая эклектика: повсеместность ее распространения компенсируется разнообразием проявлений. «Международный стиль» здесь в явном проигрыше. Последний ради порождения чего-то подобного месту был способен лишь на выпендривание индивидуалистические вариации самого себя, отпечатывающиеся в плоти ландшафтов и пространств как «комариная плешь» из «Пикника на обочине» братьев Стругатских, – гравитационная и радиационная аномалия со странными, чудными эффектами. Подобие места в модернизме достигается исключительно за счет долговременного волюнтаристического травмирования поверхности нашей планеты. Таковы «колониальные» постройки Луиса Кана, таков Чандигарх et cetera. Но увы, и такие псевдо-места, как иллюзорный пейзаж Piazza d'Italia Ч. Мура в Новом Орлеане, недалеко от них ушли.

Не стоит забывать и то, что все древнейшие средства архитектурного созидания мест посвящены загробному покою, но вовсе не мятущейся витальности. Там речь шла о местах упокоения, но не о местах удовлетворения; о по-

гребении, но не о потреблении. Как и во многом другом, все изменилось в Новое время: проектирование внесло в архитектуру новый «вирус», до сих пор, судя по всему, не вступивший с телом носителя в приемлемый симбиоз.

Указанный «вирус» и порожденная им двойственность – самая суть Нового времени. Как теперь можно замыслить места – а ведь, вроде бы, это и требуется от архитектурного, градостроительного или ландшафтного проектирования? Как исполнять эту совершенно невыполнимую миссию? Как, в самом деле, даже мыслить о ней? Место – феномен традиционного (и очень длительного) обживания, но никак не продукт целевого замысла. Архитектура успешно создавала места, но делала это в силу обладания остатками древней магии (уже Витрувий не умел сказать о ней что-либо внятное), в силу «контрабандой» транслируемого и воспроизводимого из поколения в поколение умения – почти не произносимого, пугливого на дискурс и «тающего» на свету всяческих методических экспликаций. Разумеется, мифология, предания и феноменологическая возгонка воображения, т. е. все то, что успешно предшествовало модернистской пропедевтике, делали все эти действительности вполне ощутимыми предметами деятельности, но это так называемые интенциональные предметы, они живут в повседневно культивируемом воображении (т. е. в культуре). Профессии как институту массовой и рациональной подготовки кадров вся эта хтоническая муть показалась недостойным старьем, ненадежным, неverifiedуемым, страшно сказать – ненаучным. Предметы же теперь могут быть исключительно научными, создаваемыми в сознании и проецируемыми на мир. Картезианский параллелизм бытия и мышления лишил места не только невинность, но и самое существование: ведь существовать в виде натуральной данности может только наивное. Профессия со временем забыла, просто перестала понимать, что соединение места и содержания (город), территории и мысли (регион), идеала и ландшафта (парк) достижимы лишь долгим и интенционально напряженным действием, редкий, хотя и воспроизводимый результат которого рождается всякий раз как чудо их синтеза.

Идеи «выращивания» проектного решения в ситуации, «по месту», разумеется, не являются чем-то радикально

> Рис. 8. Группа ARCHIGRAM. Instant City. 1968. Один из ярких примеров смещения предмета проектной работы в проектной культуре конца 1960-х гг. Предметом является уже не пространство, функция или форма, а информационная среда, по сути – проблематика всеобщего и локального, представленного в их искусственном и оттого еще более драматичном столкновении

новым. Известна концепция органической архитектуры Ф. Л. Райта, концепции контекстуализма и средового подхода, в науке и в бизнесе существуют модели «ад хос»; наконец, известны идеи хронотопа (М. М. Бахтин) и Дазайн (М. Хайдеггер). Осуществление действия «здесь и теперь» всегда, по определению, ситуативно. Сегодня мы подошли к необходимости разработки новых конфигураций такого действия – в неповторимых и индивидуальных условиях нашего времени. Это – «<...> направления поиска аутентичности и подлинности в нашем безумном мире, для которых характерно стремление уловить голос среды, шепот неявных ценностей, желание понять гений места, обнаружить собственную проектность локальной культуры и войти с ней в резонанс» [10, с. 55]. Для архитектурной деятельности и образования это означает необходимость пересмотра ставших традиционными абстрактных, «нигдешних» заданий, отказ от эстетики отсутствия и отстранения, разработку новых принципов и норм презентации контекста, задания, идей. В такой работе традиционный опыт архитектурной композиции уже становится дефицитен: необходимо обращение к иным видам описания и анализа, изображения и дискурса, а еще более – к неаналитическим техникам и практикам, способным удержать целостность и смысловую уникальность явлений и мест.

> Рис. 7. Фундаментальные акты. Жизнь. Группа SUPERSTUDIO. 1971

Локалитеты и идентичность

Апофеоз Места есть феномен идентичности. Зачем нужно архитектурному артефакту становится феноменом «здесь и теперь»? Затем, что потенциально всякий артефакт опасен (как всякий архитектор, согласно Д. Скотт-Браун, способен нанести вред). Поэтому архитектор обязан учиться вменяемости, а его артефакты – приобретать компенсирующие опасность качества. Без таких качеств они становятся фактором смыслового опустынивания пространств обитания, что блокирует переход всяких пространств, наполненных артефактами, в состояние «среда» – полноценной (ценность здесь ключевое слово) и насыщенной содержанием среды обитания человека разумного.

Феномен среды в норме связан с Местом (прим. 3), с субстанциальной и телесной конкретикой этого-вот обиталища. Это феномен Дома. Сегодняшняя популярность номадизма не отменяет Дом, но переносит его в какую-то до сих пор не вполне понятную область виртуального, которую лишь начинают осваивать архитекторы и дизайнеры, но делают это вслепую и, кажется, для искусственно сконструированного пользователя – искушенного и эрудированного, едва ли не пресыщенного впечатлениями странника. Такой странник может позволить себе временный средовой аскетизм, довольствуясь намеками (ср.: «Оставьте меня в ячейке с десятью почтовыми открытками, и того, как я их расположу, будет достаточно, чтобы выразить мою индивидуальность!»). Ле Корбюзье). С началом эры космических путешествий эта проблема и вовсе встает во весь рост. Среда обитания отличается от функционального пространства именно смысловой наполненностью: она поливалентна и гетерогенна, неоднозначна и противоречива. Насколько архитектура и дизайн готовы воспроизводить такие качества в условиях, где и дышать-то нечем, где уже обеспечение физиологического выживания требует немалых затрат и усилий? Насколько мы готовы создавать места там, где их никогда не было и не будет без активного и сознательного действия – в предельной безбрежности? В космосе мышление и деятельность утрачивают земную тотальность. Да, для временного обитания человека ставшего нет, вроде бы, особой нужды в полвалентности

и гетерогенности среды (на Марсе, например, вопреки грезам великого Р. Брэдбери, их до сих пор, к сожалению, не планируют), но для воспроизводства человеческого в человеке они необходимы. Вырастить новые полноценные поколения вне среды и формируемой ею идентичности вряд ли удастся.

Но сегодня у нас нет универсальных средств выполнения подобных задач. *Genius loci*, эта змея, живущая под камнем у источника вод, не способна далеко уползти от «родных пенат», не способна к масштабированию (несмотря на усилия брендинга и маркетинга). Точнее, всякое масштабирование связано с парадоксами и шаржированием. Так были, например, получены модернистские пространства и формы, распространенные на всю планету: тиражированием локального средиземноморского опыта строительства приморских вилл.

Универсальных средств или методов в таких вопросах, видимо, не существует в принципе. Среда обладает протяженностью и вещностью; в этом ее вызов методологии, имеющей дело с концептами. А вызов архитектуре в том, что ее протяженность и вещность не совпадают с плотными телами, объективированными архитектурой. Среда «застряла» между освоенными мирами мышления и действия, у нас нет даже надежных мер оценки ни ее глобальности, ни ее локальности. Но тайна «глокального», несомненно, принадлежит феномену среды и связанным с ним эффектам присутствия, воображения, памяти, устойчивому ощущению подлинности и идентичности.

Примечания

1. Что, заметим, не оставляет камня на камне от ортодоксального модернистского утверждения о неизбежном торжестве технологичности, выгодной для массового производства – этот тезис все еще привлекают для оправдания факта выдавливания модерна «Современным движением».

2. Книга написана в 1941 г., что постыдились указать советские переводчики, «дошедшие» до нее лишь через четыре десятилетия, когда она безнадежно устарела.

3. В норме, но, видимо, исключения не запрещены. По крайней мере, небезуспешной попыткой воссоздания феномена городской среды на территориях, не обладающих не только городским образом, но и городскими инфраструктурами и морфологией, можно считать проект «Instant City», разработанный в далеком 1968 г. группой ARCHIGRAM (Питер Кук, Деннис Кромптон, Рон Херрон). Идея проекта – «Техника на службе широкой провинциальной публики, приносящая ей иллюзию «современной будоражающей жизни», пародийное возмещение на коммерческих началах недостаточных отношений и выражения новых форм культуры для провинции», – не без сарказма писали авторы [11].

Литература

1. Глазычев, В. Л. В центре ойкумены // Сайт В. Л. Глазычева. – URL: https://www.glazychev.ru/publications/articles/1979_v_centre_oikoumeny.htm (дата обращения: 04.08.2021)
2. Бодрийяр, Ж. Город и ненависть // Логос. Философско-литературный журнал. – 1997. – № 9. – С. 107–117
3. Капустин, П. В. Пилястра. От детали к великим тайнам // Проект Байкал. – № 66. – 2020. – С. 98–104
4. Идентичность в типовом. – URL: <https://archi.ru/russia/85358/identichnost-v-tipovom> (дата обращения: 04.08.2021). URL: <http://identityintypical.ru/> (дата обращения: 04.08.2021)
5. Гидион, З. Пространство, время, архитектура. – Москва: Стройиздат, 1984. – 455 с.
6. Копылов, Г. Г. Пространственные представления в СМД-методологии: постановка проблемы и анализа карты как инструмента «схватывания» пространства // Вопросы методологии. – 1992. – № 1–2. – С. 39–45
7. Капустин, П. Региональные школы: от проектов к надеждам // Проект Байкал. – № 65. – 2020. – С. 168–171

8. Глазычев, В. Л. Введение к сборнику // Щедровицкий П. Г. и др. Формула развития: сборник статей. – Москва: Архитектура-С, 2005. – URL: <https://archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/formula/leading/> (дата обращения: 04.08.2021)

9. Way to Russia. 6 российских городов с новой айдентикой. – URL: <https://skillbox.ru/media/design/city-brand/> (дата обращения: 04.08.2021)

10. Капустин, П. В. Архитектура и Культура: грани взаимодействия в четырех сюжетах // Архитектура и строительство России. – 2018. – № 3 (227). – С. 50–55

11. ARCHIGRAM. Город на время // L'architecture d'aujourd'hui. – 1969. – № 6. – С. 74–75

References

ARCHIGRAM (1969). Instant city. L'architecture d'aujourd'hui, 6, 74–75.

Baudrillard, J. (1997). Gorod i nenavist [City and hatred]. Logos. Philosophy and literature journal, 9, 107–117.

Giedion, S. (1984). Prostranstvo, vremya, arkhitektura [Space, time, architecture]. Moscow: Stroizdat.

Glazychev, V. L. (n.d.). V tsentre oikumeny [In the center of oecumene]. V. L. Glazychev's site. Retrieved August 4, 2021, from https://www.glazychev.ru/publications/articles/1979_v_centre_oikoumeny.htm

Glazychev, V. L. (2005). Vvedenie k sborniku [Introduction to the collection]. In Shchedrovitsky, P. G. et al. Formula razvitiya (collection of articles). Moscow: Arkhitektura-S. Retrieved August 4, 2021, from <https://archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/formula/leading/>

Identichnost v tipovom [Identity in typical] (n.d.). Retrieved August 4, 2021, from <https://archi.ru/russia/85358/identichnost-v-tipovom>; <http://identityintypical.ru/>

Kapustin, P. V. (2018). Arkhitektura i Kultura: grani vzaimodeistviya v chetyreh syuzhetakh [Architecture and culture: The faces of interaction in the four stories. Architecture and Construction of Russia, 3(227), 50–55.

Kapustin, P. (2020a). Pilaster: From a small detail to great mysteries. Project Baikal, 17(66), 98–104. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.66.1725>

Kapustin, P. (2020b). Regional schools: from projects to hopes. Project Baikal, 17(65), 168–171. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.65.1703>

Kopylov, G. G. (1992). Prostranstvennyye predstavleniya v SMD-metodologii: postanovka problemy i analiza karty kak instrumenta "skhvatvaniya" prostranstva [Space ideas in SMA-methodology: setting of the problem and analysis of the map as a tool of "grasping" the space]. Voprosy metodologii, 1-2, 39-45.

Truntsova, D. (2021, July 8). Way to Russia. 6 Rossiiskikh gorodov s novoi aidentikoi [Way to Russia. 6 Russian cities with new identity]. Skillbox. Retrieved August 4, 2021, from <https://skillbox.ru/media/design/city-brand/>

< Рис. 9. Мы все еще пребываем в пути к новым синтезам того, что едино по природе, но оказалось разделено нашим разумом и воображением